

178. Протокольная запись переговоров генерала де Голля и маршала Сталина в Кремле 8 декабря 1944, составленная Роже Гарро

Присутствовали:

Генерал де Голль

г-н Бидо

г-н Гарро

маршал Сталин

г-н Молотов

г-н Богомолов

Генерал де Голль. – После переговоров в течение этих последних дней подошло время подвести итог. Я хотел бы еще раз ясно изложить нашу точку зрения на некоторые проблемы, имеющие первоочередную значимость для вас и для нас.

Наша основная забота и жизненно важная проблема – это германский вопрос.

Мы рассматриваем ее с трех точек зрения: границы, разоружение, альянс.

В том, что касается немецких границ, у нас нет возражений против того, чтобы на востоке они проходили по Одере и Найзе.

Что же до западных границ Германии, то мы считаем необходимым, чтобы немецкое государство или государства не обладали к западу от Рейна никаким суверенитетом.

Проблема разоружения имеет три аспекта: военный, экономический и моральный.

По поводу экономического разоружения мы полагаем, что не только в глубине Германии тяжелая промышленность не должна использоваться в целях вооружения, но и Рурский бассейн должен быть выведен из-под юрисдикции немецкого государства и поставлен под международный контроль, как в плане управления, так и в области эксплуатации шахт и заводов в мирных целях.

Подобная интернационализация Рура может в действительности оказаться менее трудной, чем кажется. Население его состоит почти исключительно из рабочих. Космополитический характер, который будет придан, в некоторой степени, населению Рура, облегчит установление режима международного контроля.

Касательно южных границ Германии, мы считаем, что следует отдать Судеты Чехословакии и сделать Австрию свободной и независимой страной.

Что же касается основной территории Германии, то не будем ничего предсказывать, посмотрим.

Перейдем к альянсам. Есть две великих страны, которые в силу своего географического положения особенно подвержены угрозе немецкой агрессии, это Франция и Советский Союз.

С другой стороны, только эти две страны, по естественным причинам, всегда имели и сохраняют большую армию. В Великобритании постоянная армия есть и будет предметом обсуждения; у вас и у нас это традиция.

Таким образом, в соответствии с естественным порядком вещей, именно мы должны стать союзниками в первую очередь с тем, чтобы иметь возможность действовать превентивно и дать мгновенный отпор. Только наши две страны могут это сделать. Если мы объединимся в этих целях, другие европейские государства – например, Балканские страны – не смогут перейти на другую сторону, потому что мы будем наиболее сильными.

С точки зрения Франции, франко-советский альянс имеет первоочередное значение.

Что касается Великобритании, история – особенно за последние двадцать лет, разделяющих обе войны, – показывает, что она крайне затруднялась действовать превентивно и действовать мгновенно. Во-первых, в силу своего географического положения. Кроме того, потому что любой шаг Британии подчинен согласованиям с доминионами. Они же находятся в большом отдалении, не испытывают непосредственную угрозу, у них различные интересы. По всем этим причинам Великобритании трудно предпринимать превентивные меры или немедленные действия в случае конфликта или угрозы конфликта.

Именно так в 1941 Великобритания колебалась перед вступлением в войну. Она начала действовать только потому, что Бельгия была захвачена, и таким образом Англия почувствовала себя в опасности. Если бы немецкая угроза была направлена не на запад, а на восток, Англии было бы трудно решиться. Если в сентябре 1939 она это сделала, то только после капитуляции ряда стран. Зато, когда немецкая агрессия набрала ход и Великобритания почувствовала себя в опасности, она начала действовать настойчиво, смело, энергично. Вне всякого сомнения, Великобритания должна присоединиться к Франции и к Советскому Союзу в деле защиты мира, но это будет уже на другом уровне обеспечения безопасности.

Безопасность должна рассматриваться, наконец, в мировом аспекте. Я думаю в основном об участии Америки, которой досаждают европейские конфликты, плохо понимающей их, с массой интересов по всему миру, основные проблемы которой не касаются Европы и которая сдвинется с места только в последний момент. Рузвельт вступил в эту войну, только когда Франция была разгромлена, Великобритания исчерпала все возможности, а немецкие войска дошли до Кавказа. И сделал он это только из-за агонии Японии. В здании безопасности Америка представляет третий уровень. Этим уровнем не должно пренебрегать, он должен быть построен, но он должен венчать все здание.

Вы передали нам для рассмотрения предложение о трехстороннем англо-франко-советском договоре. Я хотел бы подчеркнуть, что у нас нет принципиальных возражений против подобного договора, но мы считаем, что он не соответствует требованиям задачи. Мы во многом предпочли бы трехуровневую систему безопасности:

- франко-советский договор;
- англо-советский и франко-британский договоры;
- коллективная безопасность (с подключением Америки).

Я хотел бы особо выделить еще один пункт, по которому подобный трехсторонний договор повлечет значительные осложнения, Между Францией и Советским Союзом нет предмета прямого спора. С Великобританией у нас он всегда был и всегда будет. У вас тоже есть расхождения с британцами, например по Ирану, может быть, они появятся и на Дальнем Востоке.

Таким образом, нелегко заключить трехсторонний договор. Помимо этого, его осуществлению могут мешать или даже препятствовать столкновения интересов. Тем более, что немцы умело используют осложнения среди союзников для ведения своей агрессии. Таким образом, мы считаем, что трехсторонний договор не является лучшим способом осуществления безопасности.

Маршал Сталин стал превозносить преимущества трехстороннего договора: англичане будут напрямую связаны с Францией и Советским Союзом, это будет серьезно и надежно. Можно было бы объединиться и вынудить Англию действовать быстрее. Сталин задавался вопросом, не будет ли это лучшим выходом. Затем он внезапно сменил тему.

«В конце концов, мы можем заключить договор вдвоем. Но нужно, чтобы Франция поняла основной интерес Советской России в польском вопросе. Мы не можем допустить существования Польши, которая выступает то против Москвы, то против Германии. Мы хотим видеть Польшу искренно симпатизирующей союзникам и решительно антинемецкой. С правительством в Лондоне это невозможно, оно представляет антирусский дух, всегда существовавший в Польше. Напротив, мы могли бы увидеть другую Польшу, великую, сильную, дружественную Франции и Советскому Союзу в силу того, что она станет демократической страной. Если вы разделяете эту точку зрения, договоритесь с Люблином, и тогда мы сможем заключить с вами договор. Черчилль, конечно, будет задет. Ну ничего! Лишний раз не помешает, ведь он тоже часто меня задевал».

Из того, что было сказано маршалом Сталиным, генерал де Голль смог сделать вывод, что Россия намерена заключить договор с Францией только при условии, что будет

достигнута официальная договоренность с Люблинским комитетом. Он посчитал, что это предложение представляло небольшой интерес.

Он повторил, что французское правительство было согласно направить своего уполномоченного в Люблин и принять в Париже уполномоченного из Люблина, но без статуса дипломатических представителей. Он был против соглашения с Люблинским комитетом. Франция и Советский Союз вместе заинтересованы в единой Польше, но не в искусственном государстве, к которому Франция, со своей стороны, не будет испытывать доверия.

Сталин закончил переговоры упоминанием о полке «Нормандия» и об ужине, который должен был состояться на следующий вечер в Кремле.

Голь Ш. де. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. С. 423–426.